

Глава 1

ДУРНАЯ

-Дурна-а-а-а девка, — предупреждала беззубая старуха, принявшая его на ночлег.

Не бесплатно, конечно. Бабка не преминула взять втридорога за постой. А куда ещё пойти по беззвёздной темноте да в метель? Потому Верд не стал спорить. Сдержался, хоть и мог бы переломить жадную каргу надвое, заплатил и молча лёг спать, не спросив про ужин.

Наутро метель не утихла, напротив, принялась завывать свирепее, точно в снегу прятался голодный зверь, впивающийся когтями в бревенчатые стены, царапающийся, просящийся в тепло. Никто не впустил бы его: диким тварям не место среди людей.

Переждать, как и раскошелиться на ещё одну ночь, Верду не хотелось. Достанет и того, что подбитый мехом плащ высох и прогрелся у печи. Для вечного путника это ли не благодать? Унять бы урчащий голодный живот — вовсе счастье.

Пока щербатая гримза сплёвывала шелуху семечек в пригоршню, а свежие сплетни в уши неблагодарного слушателя, мужчина побренчал крышками многочисленных котелков в кухне. К величайшему разочарованию, ни в одном из них не обнаружилось ароматного

томлёного мяса. Да и с чего бы? В эдакой глуши его небось только по праздникам и видят, да и то в окно на соседском столе.

— Не обес-с-с-судь, милай! — Старуха поудобнее умостила задом на плотно закрытом и завешенном тряпицей сундуке. — Ты за ночлег платил, об угощении речи не вели. Оголодал — будь добр, ещё монету выложи.

— Перебьюсь. — Гость равнодушно скрестил руки на груди и опёрся плечом о дверной косяк.

Кто другой не рискнул бы ссориться с таким, как он. Немного нужно зоркости, чтобы приметить осанку, какой не встретишь у согбенного вечным огородничеством селянина, выступающие жилы, рисующие на предплечьях узор, схожий с танцем струек крови на лезвии ножа, да и цепкий, колючий взгляд заставлял неуютно поёжиться. Но бабка считала, что пожила уже достаточно, а потому не робела ни перед наёмником, ни перед его ухмылкой, разделённой надвое уродливым шрамом. Она самозабвенно делилась мудростью и думать не думала, что слова стоило бы взвешивать, прежде чем произносить.

— Дурная, — повторила она, — девка того... видно, умом тронулась. Ну и немудрено: с раннего детства одна. Небось родилась четвёртой, так её из дому и погнали, чтобы счастье не отнимала. Живёт особняком, ни с кем близко не знается. Вон прошлой весной сходил к ней сынок кузнеца. Известно, за чем пошёл: девка то в летах, незамужняя. Ну паренёк и понёс ей кубышку мёда в подкуп. Так она ту кубышку бедняге на темечко вывернула, опосля едва сняли!

— Легко отделался. — Верд крепко завязал тесёмки плаща под горлом, по привычке проверил, чтоб свобод-

но ходил в ножнах меч, и, прищурившись, спросил: — В какой стороне живёт? Девка эта ваша.

— А тебе к чему, добрый молодец? Дело какое али просто так любопытствуешь?

Старуха спрашивала для вида: и без того всё уразумела. С вечера она не раз выглядывала из-за занавесочки у лежака и рассматривала путника. Углядела, что на деле мужчина куда моложе, чем кажется, но шрамы да нелёгкая доля добавили серебра в волосы, заставили хмуриться и зло, подозрительно озираться. Не остались без внимания и треугольные метки на тыльных сторонах ладоней, хоть гость и снял с них повязки тогда только, когда хозяйка засопела. Однако ж старость лишает крепкого сна. Проснувшись и сходяв до задка в крайний раз, бабка застала, как тускло светятся чёрные линии.

Охотник.

Ясно, зачем дурная девка такому, как он. А им, деревенским, колдунья самим пригодится.

На этот раз Верд не стал терпеливо ждать, пока старуха наговорится. Со вчера он многожды спрашивал, где искать дурную, и всякий раз вместо ответа получал истории о тяжёлой беременности жены старосты, жалобы на жестокую раннюю зиму или заунывные песни.

Размашистым шагом он пересёк комнатушку, приподнял визжащую бабку одной рукой и откинул крышку сундука второй. Внутри ожидаемо обнаружались припрятанные намедни запасы, которые пришлым не полагались.

— Чаго удумал?! Наглец! Вор! Убивец!

Охотник поудобнее перехватил скандалистку, чтобы та кулаками доставала ему разве что до зада, и вознаградил себя за выдержку найденным ржаным хлебом и крынкой простокваши.

После грабежа старуха если бы и указала дорогу, то разве что к такой-то матери. Потому Верд спешно позавтракал под ругательные трели и ушёл. Главное он вызнал: колдунья в деревне действительно есть. Теперь он легко её отыщет.

Ох, как же охотник ошибался! Метки, что привели его в селение, светились и жгли почти постоянно, больше мешая, чем помогая. За день довелось обойти все стоящие поодаль от остальных дома, но без толку. Проклятая девка как сквозь землю провалилась!

А вьюга не затихала. Стоило и без того едва заметно-му солнцу скрыться, она словно взывала от одиночества. Снег слепил, заползал за шиворот, пробирался в рукавицы. Тяжёлые сапоги проваливались в наметённые барханы, мужчина увязал по самые колени и с каждым разом всё с большим трудом выбирался.

Метель стонала и пела, убаюкивала. Ей не хотелось проводить очередную ночь в тоскливом отчаянии. Она мечтала о тепле живого тела, она страдала, что некого обнять и укутать, сжать крепко-крепко, пробираясь под плащ, куртку и плотную рубаху к самому сердцу. Она гладила покрасневшиеся щёки путника, заглядывала в колючие глаза, запускала пальцы в волосы, словно припорошенные пеплом...

Но мужчина упрямо шёл вперёд. Силы его почти иссякли. Так уж нужна ему та колдунья? Вон сколько клиентов предлагали немалые деньги за охрану или сопровождение товара. А уж сколько сулили за тихое убийство — и вспомнить приятно! Ценят ещё мастерство...

Но охотник отказывался. Потому что за девку можно получить намного, намного больше. Если, конечно, знать, кому сбыть товар. Верд знал. Поэтому шёл, споря с непогодой и собственными продрогшими членами.

Позади мерцали огоньки удаляющейся деревни. Точно светлячки на болоте, обманом зазывающие в трясину. Ох, как же заманчиво развернуться и постучать в одно из окошек! Да хоть бы и в окошко беззубой карги! Она, конечно, затребует последние монеты, что остались в кошеле, но зато у неё жарко натоплено и небось ещё не убрано тяжёлое кусачее одеяло.

Но Верд не оборачивался. Он шёл вперёд. Туда, где нереально, сказочно подрагивала жёлтая точка. Поди догадайся, не голодный ли хищник наблюдает с кромки леса. А может, и вовсе ничего нет: так, игра усталой головы, отражение огней деревни. Но если есть хоть один малосенький шанс, охотник не отступится. Потому что охотники не умеют отступать.

Когда Верд добрёл до маленького покосившегося домика и стукнул в дверь, он понимал, что обратный путь к селению закончится где-нибудь в сугробе. А ещё он понимал, что, если пришёл правильно и откроет ему та самая одинокая колдунья, она нипочём не впустит рослого, изуродованного шрамами и сурового мужика внутрь.

— Батюшки! Вы, господин, никак, решили снеговиком заделаться?!

Девка отворила сразу, не спросив, кто и зачем, не прикрыв бесстыдно распущенный ворот платья и не собрав гуляющих на ветру и абсолютно белых как снег волос. Смелая. Или правда дурная?

— Ты, что ли, колдунья? — начал Верд злее, чем полагалось. Объясняйся тут ещё, просись, доказывай, что не худой человек, ври.

— Вы заходите, господин, заходите! Подумать страшно, что вы себе отморозить успели в эдакую непогодь!

И втащила его внутрь.

Охотник не стал противиться. С наслаждением вытряхнул снег из всех мест, куда его, по идее, и занести не должно было, скинул и пристроил под лавкой у печи сапоги, развесил плащ и расстегнул куртку.

— Не боишься?

Усевшись, вытянул ноги, впервые за долгие недели позволив себе по-настоящему расслабиться. Он нашёл её. Нашёл! Тех, кто обладает даром, ни с кем не спутать, и метки не нужны! Тонкая, бледная, почти прозрачная, растрёпанная и лёгкая, как снежинка. Таких не встретишь среди простых людей.

Девка отняла у Верда рукавицы, чтобы подцепить горячий чугунок, перенесла его на стол, всё ж таки ошпарившись по пути, и затрясла пригоршней.

— Чего бояться прикажете?

Охотник хрустнул шеей, размял плечи, едва не застояв от удовольствия.

— Меня, к примеру. Ну как убийца к тебе пожаловал? Вор, душегуб? — постарался Верд вспомнить все нелестные слова, которыми одарила его давешняя старуха.

Хозяюшка звонко рассмеялась, проскакала, как воробышек какой, едва касаясь половиц босыми ступнями, и плюхнулась рядом, без малейшего страха заглядывая чужаку в глаза. Дурашливо протянула ручку:

— Я Талла. А вы, дяденька, душегуб?

Верд ошалело пожал ладошку, утонувшую в его смуглой лапе. «Дяденька»! Намного ли он старше наивной девчушки, покамест не успевшей обжечься о жизнь? На пять лет? Десять? Зато поседел и нажил шрамов как на коже, так и на душе. Вот тебе и «дяденька»...

— Верд. Хотя и душегуб тоже. Временами. Но не сегодня.

— Вот и чудненько. Вечерять будем?

Не таясь, она выложила всю снедь, какая нашлась. Пока Талла ловко орудовала ложкой, раскладывая горячую, только из печи, кашу и разливая ароматный кисель, Верд поглаживал наверхие меча. Что мешает тюкнуть колдунью чуть ниже затылка, подхватить обмякшее невесомое тельце, перекинуть через плечо — и поминай как звали. Ни спрашивать не придётся, ни уговаривать. Знай себе вези по дороге, примотав к седлу, да еду изредка впихивай сквозь плотно сжатые зубы, чтобы вконец не отоцала. Охотнику не впервой, так чего церемониться?

Талла придвинула тарелку и вложила в задумчиво расслабленные пальцы грубо стёсанную деревянную поварешку. Мужчина недоумённо уставился на неё, поднял её к глазам, точно забыл, как держать, целиком закрыл половником суetyающуюся фигурку.

— Дура ты, — сообщил он колдунье.

Та невольно среагировала и тут же смутилась:

— Сам дурак! Ой, дяденька, вы чего обзываетесь?

— Какой я тебе дяденька! — вспыхнул Верд, плюхнув поварёшку на горку кушанья. — Явился к ночи незнакомый страшный мужик, в избу ввалился, а ты его потчевать вздумала? Ну как злодей какой?

Талла отхлебнула из своей кружки, подержала кисель во рту, с усилием проглотила.

— Но вы же сказали, что не душегуб, — искренне удивилась она.

— Я мог соврать!

— А врать, — дурная подняла кверху бледный палец, — нехорошо!

Ну чисто дитё малое! Помнится, бабка говорила, что колдунье замуж пора. Какое замуж, когда девка-дура перед самым носом опасности не разглядит? Как до своих-то лет с таким норовом дожила, и то непонятно!

— Да и что бы, интересно, я сделала, окажись вы худым человеком? В сугроб бы сиганула? Закричала? Неужто я такая глупая, что надеялась бы на защиту этих вот стен? — Дурная колупнула ногтем брёвнышко, и от того сразу отстала щепка. — И двери не лучше, — прыснула, как с хорошей шутки.

Верду ничего не стоило огреть её рукоятью меча, вернуться в деревню за лошадью да отправиться в путь. Таковую доверчивую дурочку несложно доставить до места. Это не царапучая тяжеловесная тётка, которую он продавал в прошлый раз. Талла не попытается сбежать на привале, не станет упрямиться, отказываться от пищи и кусаться. Рыдать разве что начнёт. Но Верда давно уже не проймёшь горькими слезами.

Но то утром. Сейчас, как бы ни хотелось поставить девке ум на место доброй оплеухой, буяннить не дело. Он отдохнёт да отоспится, а там видно будет. В конце концов, колдунья может поехать и добровольно.

Мужчина долго тщательно пережёвывал кашу, всматриваясь в затухающие угли в печи. Натопила хозяйка знатно: его уже сладко разморило, а трещавшие от мороза кости в кои-то веки перестали болеть. Необычайная благодать напала на Верда. Она, и только она заставила его рискнуть:

— Давно ты живёшь здесь, Талла?

Она поправила соскользнувший плащ, чтобы скорее просох, надела на рога ухвата рукавицы путника и аккуратно пристроила к печному боку, чтобы не задымились.

— Давненько. Почитай, сколько себя помню. Мне эта деревня — дом родной, здесь выросла, здесь, видно, и помру.

Охотник засучил рукава, обнажая исчёрканные рубцами предплечья. Снять бы ещё плотные повязки с ла-

донецй, дать подышать жгучим меткам, но рано. Напугается ещё колдунья, не станет вести разговоров.

— И что же, нравится?

— А как иначе? Меня здесь приняли, не погнали. Иногда помочь зовут, ежели у кого недуг или корова околеть грозитя. За просто так кормят-поят...

За просто так? Вот же доверчивая девица! В городах за колдовство такую цену ломают, что не всякому по карману! Немудрено: кто ж станет рисковать шкурой за просто так? А эта небось всё селение на себе везёт да уверена, что это её приютили, а не выжимают почём зря!

— И никогда мир повидать не хотела? Платьев цветных поносить, дорогого сыру, заморских сладостей поесть? — котом замурлыкал Верд.

Глаза колдуньи засветились безоблачным зимним небом:

— Сладости... сладости — да. Мне позапрошлой весной проезжий купец подарил коробочку. Тесто тонкое-тонкое, слоёв — не пересчитать. Мёдом пахнет, пряно... Я, правда, совсем немного попробовала. Надо же детишек угостить. А их набежало — тьма! Ну и растащили всё, пока я лошадь того купца лечила.

— Подарил, значит? Не заплатил за то, что ты клячу его, чуть не околевавшую, с того света вытащила, а подарил?

Талла кивнула, не понимая, почему гость криво, жестоко ухмыляется.

— Дура ты всё-таки. И это я не обзываюсь, а сообщаю тебе новость. Собирай-ка вещи, колдунья. Нечего здесь делать. Думаешь, сильно тебя любят местные? Помогают без повода? А знаешь ли, в каком достатке живут такие, как ты? Те, кто лечит не запойных пьяниц, перебравших накануне, а торговцев, городничих, дво-

рян? Разумеешь, как могут устроиться? Собирай пожитки. Тебя не похищать, тебя спасти от этих пиявок надо.

Верд не врал. Он вообще не слишком любил врать. Просто Талла пока не заслужила всей правды. Колдуньи действительно жили в достатке. По крайней мере, те из них, что не попадались шавкам короля. Когда магия становится вне закона, любые её крохи ценятся куда дороже золота. А охотник знал, с кем поторговаться.

Талла растерянно прижала к груди кружку с киселём:

— Куда? Разве меня ждут где?

— До ближайшего города доведу, а там посмотрим, — уклончиво ответил охотник.

— Как же я деревню брошу, дяденька? Тут дом родной, тут меня любят. Как оставить всё? — Она обвела рукой скудное убранство.

— Показать? — недобро понизил голос Верд, снова находя пальцами крестовину меча. Не стоило заводить речь с вечера. Теперь девка точно перепугается и даст дёру. А ехать в ночь да по метели никак нельзя, тем паче с бездыханной колдуньей, которая, не ровен час, околет по пути.

Но тут в окно замолотили. Показалось, ветер кинул горсть снега, но нет. К грохоту прибавились крики:

— Талла! Талла, золотко!

Колдунья подскочила, метнулась распахнуть двери.

— Староста!

— Доченька, милая, выручай! — Мужик, не теряя времени, плюхнулся на колени. Густую чёрную бороду и огромные плечи запорошил снег, делая его похожим на одного из юродивых, что профессионально выпрашивают монетки близ монастырей и храмов. — Дана рожать вздумала! Не в срок, в пургу! За лекарем в сосед-

нее село, как хошь, не успеть! Спасай, милая! На тебя одна надежда!

Колдунья схватила душегрею, набросила на хрупкие плечи прямо так, поверх лёгкого платья, и рванула на улицу. Староста сразу успокоился, подхватился.

— Стой! — Верд успел удержать девку за подол, когда та уже выскочила за порог, и втянул обратно. — Босой собралась?

Эдак впервые, чтобы товар так страстно желал себя утробить, прежде чем охотник доставит его к заказчику.

— Ой, и правда! — заливисто рассмеялась девка, прыгнула в валенки и припустила уже так, что проситель едва за ней поспевал.

— Дурная, — процедил охотник сквозь зубы, натянул обувку и выскочил следом, завязывая плащ уже на ходу.

* * *

Роженица вопила так, точно лез из неё не младенец, а по меньшей мере медведь. Верд, конечно, слышал, что дело это неприятное, но всяко не больнее, чем схватиться с дюжинным отрядом и выжить, а потом три месяца едва двигаться. Наверное.

Не к добру мужчинам подглядывать за таинством рождения новой жизни, но женщину схватило внезапно, баню натопить только бросились, так что, кроме как за стенку, Верду и старосте деться оказалось некуда.

— Чего припёрся? Звал тебя кто? Пшёл прочь! — попытался будущий отец замахнуться на незнакомца, когда тот только вошёл, но Верд так тяжело зыркнул, что староста не решился перечить. — А то и оставайся, всяко человек с мечом пригодится злых духов отгонять...

— Воды горячей! — Талла выглядывала из комнаты, повисая на двери, и тут же снова пряталась внутри, как

вдёрнутая за волосы. — Тряпок чистых! И нож, да прокалите над огнём!

Верд не хотел смотреть, но всё одно увидел женщину, катающуюся по смятой кровати, потную, зарёванную. И колдунью. Не наивную глупую девчонку, что впустила в дом незнакомца, а настоящую магичку, уверенную, сильную, с прямой спиной и лёгкими, но крепкими ладонями. Она прижимала их ко лбу женщины, окутывала её лицо голубоватым сиянием, и крики той ненадолго стихали.

Староста ругался, меряя избу шагами:

— Баба нерадивая! Ну куда, куда, в метель-то рожать?! Ух, ничего им не доверить!

А Верд стоял у окна, с трудом сдерживаясь, чтобы не наподдать коленом безвинному перепуганному мужику. Знамо дело, над первенцем все трясутся. Это тебе не четвёртое нежеланное дитя, которое иной раз и вовсе могут притопить, коли живым на свет появилось.

За окном выла метель. Тягуче, с переливами, с рычанием. Так, как не должна завывать природа. Недобрый знак. Недобрые роды. Раньше срока, при мужиках, без лекаря и повитухи. Плохо. Очень плохо. Мужчина не убирал ладони с меча, и тот словно знал, что скоро пригодится, едва чутно подрагивал.

Запахавшиеся тётки, мамки или няньки — того Верд не ведал — без толку носились туда-сюда, только выстуживая избу. Верещали, причитали и молились Трём Богам, покровителям смертных. Да бесполезно: буран не утихал, а баба всё никак не могла разродиться.

— Как без баньки-то? Дрова, точно Богиня с Котлом на них плюнула, сырые! Нипочём не занимаются! — Рябая тётка уселась на пол, раскачиваясь из стороны в сторону, поймала штанину старосты и запричитала

ла, размазывая сопли по красному лицу: — Как же без баньки?!

Верд на всякий случай отодвинулся подальше: того и гляди начнёт ещё и за него хвататься, запачкает, порвёт одежду.

Староста тоже не горел желанием утешать плакальщицу. Самого б кто успокоил. Он вырвал ногу.

— Да не вопи ты! Одно слово: бабы. Что жена, что тёща! Талла пришла, сейчас всё поправит.

Верд удивлённо приподнял брови, но промолчал: колдунья колдуньей, но, когда жена на сносях, мог бы и озаботиться заранее сухими дровами, а то и повитуху зазвать погостить. Видно же, что первенец поздний: мужик уже старостой заделался, а всё наследником не обзавёлся.

— Да как так-то? Всё на колдунью? Управится ли? А ежели оглоеды поналетят? Как отгонять, кому молиться, ежели не по чести таинство учинили?

— Уймись, дура! — Староста с усилием за грудки приподнял тещу и усадил на лавку. — Всё Талла поправит, всё сделает. На то колдунью и держим!

А вот охотник подобной уверенностью похвастаться не мог: он уже сообразил, что отсыреть в бане дрова никак не могли, да и печь неспроста начала чадить чёрным вонючим дымом. Злые духи-оглоеды не любят тепла, а вот свежей кровью полакомиться — это да. Они летят к роженицам, как бабочки к костру, да только не сгорают в пламени, а отщипывают человеческое тепло по кусочку. Особенно приятно им лакомиться горячей младенческой плотью, едва показавшейся из материнской утробы. Для того и топят жарко баню, для того разводят огонь и ходят вокруг с обнажённым клинком: отпугивают лиходеев.

Только старосте до того дела не было: он привёл в дом колдунью и боле утруждаться не собирался.

— Нож над огнём прокали, — напомнил Верд, будто бы его дело вовсе не касалось. — Да дров в печь добавь.

— А ты что это раскомандовался?!

Благо тёща и вторая баба, видно мать мужика, оказались посметливее: подхватились и бросились исполнять приказ. Только всё больше мешали друг дружке, сталкиваясь рыхлыми задами и переругиваясь, чем помогали. А нерадивый папашка нашёл развлечение: подлетел к незнакомцу, привстал на цыпочки, чтобы пихнуть его грязным пальцем в грудь:

— Чего раскомандовался, спрашиваю? Кто таков, чьих будешь, чтобы рот разевать в моём доме? Тебя звал кто разве? Ну? Отвечай!

Верд зевнул и быстрым движением выкрутил старосте руку. Да так сильно, что густой чёрной бороды аккурат достало подмести пол.

— Жена, говорю, у тебя рожает. Иди подмогни, а не дурью майся.

Охотник не отказал себе в удовольствии поторопить мужика пинком. Тот, низко склонившись, добежал до противоположной стены, чудом не пробив её дубовым лбом, и только сильнее разозлился:

— Ты на меня руку поднять посмел?! Да я тебя!.. Да я...

Он сложил кулаки и неумело поводил ими в воздухе, навроде как угрожая.

— Печь, — напомнил Верд, не двигаясь с места. — Потухнет — худо придётся.

— Я тебе сейчас покажу худо, морда резаная!

Верд отшагнул в сторону, и на этот раз староста, взяв хороший разгон, всё ж таки долбанулся об стену и, расвирепев, бросился на пришельца. Снова промахнулся

и шииб с ног мамку, а та, заверещав, утянула в кучу-малу и тещу.

— Печь растопите, дурни! — повысил голос охотник, но кто ж его услышит за руганью и воплями. — Оглоеды налетят — сожрут всех!

Бесполезно. Верд плюнул прямо на пол и настезь распахнул дверь в комнату роженицы.

— Куда?! — взвыли вслед мамки, вдрут вспомнившие, что впускать мужей на таинство строго-настрого запрещено богами, но чихать он хотел на их слова. Сами наложили — сами пускай и разгребают. А подставляться за бесплатно он не намерен. Ушёл бы один, не задумавшись, но не бросить же колдунью: от её тощего тельца оглоеды и косточек не оставят, а у Верда на Таллу имелись совсем другие планы.

Вспотевшая, утирающаяся рукавом, в сползшем с одного плеча платье, она суетилась у кровати роженицы, щупая, заглядывая, куда не следует, нашёптывая ласково:

— Потерпи, Данушка! Ты сумеешь, милая! Давай, вдохни поглубже и ещё разок напрягись! — Она подняла на Верда чистые голубые глаза: — А ты здесь чего? Мужам нельзя...

Муж, которому нельзя, мотнул головой, точно отгоня доставучего слепня, и молча стиснул запястье девушки. Потянул.

— Куда? — заупрямилась та, упираясь пятками и отклоняясь назад. — Да что с тобой?! Дана!

Охотник зло бросил, не оборачиваясь:

— Подохнет твоя Дана. Как и вся их семейка. Оглоеды летят.

— Как оглоеды? — ахнула колдунья, только сейчас сообразив, как озябла. — А печь как же? Надо дров добавить...

— Нету больше дров. Опоздали. Дерево не загорится, пока они не получат своего. Мы уходим, а эти как хотят. Ай! Дура, что делаешь?!

Отскочив, как дикая кошка, Талла почмокала губами, словно пыталась распробовать укушенную только что руку.

— Я остаюсь. Подойдёшь — вцеплюсь ещё куда-нибудь, где больнее. Неужто предлагаешь роженицу бросить?

Верд задрал рукав. Два полукруглых следа от зубов перечёркивали старые боевые метки.

— Дурная девка!

Нет уж, дудки! некогда церемониться: через плечо упрямыцу — и во двор! Кусаться удумала, гляньте на неё!

— Сказала, не пойду! — Девчонка единым прыжком перескочила полкомнаты, задрав юбку, взобралась с ногами в изголовье кровати и умостила голову Даны на коленях, погладила её волосы, утешая.

Верд не раз видел, как колдуют обладающие даром. Так свежий ветер обдувает горячий лоб в жаркий полдень, когда идёшь, увешанный доспехом, и уже ненавидишь палящее светило в небе.

Талла коснулась алых щёк роженицы, и невидимая сила проявилась, засияла сквозь её кожу, потекла ручьями по жилам, вытягивая, выпивая боль из тела женщины. Руки светились, как бледные голубоватые звёзды. Морщины на лбу Даны разгладились, мука перестала кривить лицо. Женщина задышала ровно, правильно, как наверняка учили. А Талла сидела, прикрыв свои голубые очи полупрозрачными веками, и знать не знала, что творилось вокруг.

А творилось худое.

Ещё недавно раскалённая печь перестала греть. Напуганные тётки успели выстудить избу или что похуже?

Метель взвыла протяжно, жалобно. Словно и она испугалась того, что пришло поживиться молодым мясом. По стенам заскребло, заскрежетало, зацарапалось... Оглоеды!

Верд ещё мог бы удрать в одиночку. Переждал бы у ближайших соседей, а то и вернулся бы к опустевшему жилищу колдуньи. Но он был из тех, кто не выпускает товар из рук и не бросает дело на середине. Поэтому охотник выхватил меч.

Пока он, стараясь не дышать и не двигаться, прислушивался, нутром угадывая, откуда явится враг, Талла приоткрыла и скосила один хитрый глаз. Тихонько облегчённо выдохнула: нечистая сила боится доброй стали не меньше, чем святого огня. Авось с таким защитником до утра никто живота не лишится.

Они налетели разом с четырёх сторон.

Размером с летучих лисиц, да только куда более зубастые и голодные. Стены не стали преградой для бесплотных духов: лишь жар сдерживал их, но теперь, поборов его, монстры готовились пировать.

Верд отогнал их круговым росчерком меча, придвинулся к постели и замер, следя за копошащимися в неосвещённых углах теньями.

Оглоеды взмахнули крыльями, разом, как одно неживое, разделённое на части существо, нападая с нескольких сторон, метя в беззащитное горло. Но воину ни к чему озираться, рассматривать каждого врага. Он хребтом знает, когда заходят со спины. Охотник припал на корточки в последнюю секунду, кончиком меча вспарывая чёрное брюхо самого нерасторопного оглоеда. Тот завизжал и заметался. Из брюха дымными лентами свисали призрачные внутренности, бледнея и рассеи-

ваясь от каждого движения. Остальные вторили: смерть одного — боль для всей стаи.

— Мамочка! — заметалась роженица. — Мамочка!

Окликнутая забарабанила кулаками в дверь: впусти-те! Да Верд метнулся раньше, загораживая проход, под-пирая плечом. Сунется кто — живым не уйдёт. Оглоеды вечно голодны и не чают тот голод утолить.

— Терпи, Данушка! Скоро, скоро закончится всё! Верд!!!

Едва успев обернуться, охотник рубанул сверху вниз, рассекая надвое зависшего у кровати нечистого.

— Бабы, — презрительно бросил охотник, поджимая губы: всё ж блестящие восторгом глаза юной колдуньи тешили давно очерствевшее самолюбие.

Он провернул клинок, ловя отражение затухающей лучины, направил солнечного зайчика в скопище хищ-ников, разгоняя их, разделяя на части большое, целое и зубастое.

Понятливая Талла добавила ещё лучинку, вторую, третью — сколько нашлось. Лишь бы не потух живи-тельный огонь! Лишь бы Бог с Ножом не отвернулся, уберёт!

Бог с Ножом, понятно, являться не собирався. И брат его, Бог с Ключом, и сестрица с Котлом — никому дела не было до измученной Даны, до противной божествам девки с даром. И уж точно не собирались они выручать охотника без чести и совести. Пришлось Верду само-му становиться защитником. Не с ножом, так с мечом. Чем хуже-то?

Взмах — и раненый оглоед падает на пол, чтобы рас-сыпаться золою.

Удар — и стонет, мечется роженица, визжит не хуже нечистика.

Свист — и Талла утешает, шепчет, подбадривает. И уже кажется, что не Дану, а Верда. Утирает холодный пот, касается губами лохматой головы. А по голубым сияющим нитям, что тоньше паутины, утекает из тела усталость.

— Ма-а-а-а-а-ама!

Верд провернулся на каблуке, сияющим кругом ударов отпугивая злодеев, а вопль женщины двоился, разделялся и продолжался. И в вопле слышна новая жизнь: молодая, горячая, требовательная!

Удар удивил и самого воина. Уж насколько он умел сражаться, насколько знал, когда сделать вдох, когда сигануть в сторону, когда прогнуться... Но меч, точно ведомый чужой рукой, показался вдруг втрое легче лёгкого. Верд размахнулся, стиснул двумя руками рукоять и сделал страшное: расстался с оружием, бросил его, как палку какую, в тёмное облако, из которого шелестели крылья голодных духов.

Поймав отблески лучин, отражая голубоватое сияние ладоней колдуньи, меч распорол тучу в самой середине, точно упрямый солнечный луч. Талла торопливо свесилась с кровати, подобрала клинок, пока напуганные оглоеды не опомнились, и резанула пуповину.

Всё, родилась новая жизнь. Злыдни остались ни с чем, разлетелись голодными, а Дана, рыдая от боли и счастья, тянула руки — обнять новорождённую дочь.

* * *

— Как... девка? — Староста так и сел.

Верд молча вытирал с меча чёрные подтёки, не слишком глядя по сторонам, но всё одно приметил, как

бородач начал ощупывать пол возле зада, точно что-то пытаясь отыскать.

Отмывая окровавленные рукава в заледеневшей вблизи нечисти воде, Талла улыбалась:

— Так — дочка. Дана пока её кормит, а после можно и обнять чадушко.

Толстые грязные пальцы стиснули топориче, обнаруженное под лавкой.

— Как — дочка? — тупо переспросил староста. — Первенец! Сын должен быть! Как иначе? Иначе боги не завещали!

Колдунья отжала порозовевший рукав, задумчиво расправила: как домой в мокро-то идти? Дадут какое платье переодеться?

— Мало ли чего там у других. Ты не серчай, староста! Тяжёлые роды были, сложные. Дана чудесное дитя привела в мир, так есть ли разница, благословили его боги али нет? Теперь хоть четверых, хоть целый выводок рожайте! К чему вам счастье Троиш, коли своего в достатке?

Топор перекочевал к старосте на колени. Давно ли так лежала на коленях у колдуньи голова его супруги?

— Четвёртого?! — взвыл мужик, сильнее сжимая оружие. — К чему нам благословение Троиш, спрашиваешь? А не ты ли, девка дурная, его у нас отобрала, а?! — Он тяжело, опираясь на скамью, поднялся, закинул топор на плечо — так, чтобы сподручнее его опустить на темечко виноватых. — Подменила мне сына, гадина? Ты, точно ты!

Тёща со свекровью, до того обмывающие Дану с дитём, в ужасе прижались к стеночке: ну как ещё на них кинется?

— Сынок, ты бы не серчал... — неуверенно начала мать. — Талла подсобила, чем смогла. Чать, не повитуха...

Но замолчала, когда лезвие глянуло в сторону её макушки. Тёща та и вовсе не решилась перечить: она с топором знакома не понаслышке, так что под горячую руку не лезла, дабы потом не улепётывать по сугробам.

— Подсобила?! Подсобила она?! Дурная кровь у гадины, дурная! Прокляла наш род, плюнула Богине в Котёл! Привела в мой дом абы кого, мужика... мужика! Мужика к роженице впустила! Прокляла-а-а-а-а!

Он бросился на девчонку, как тот изголодавшийся нечистик. Вращая зенками, брызгая слюной... Прибьёт! С ходу прибьёт!

Верд, казалось бы не замечавший обозлившегося папаши, выставил вперёд ступню, и мужик споткнулся, растянулся, выронив оружие. Оно аккурат скользнуло к ногам Таллы, а та, не будь дура, подхватила юбки, перепрыгнула, оттолкнувшись от зада старосты, — и к входу.

— Объявишься — убью! — Мужик вдарил кулаком по крепким доскам пола.

Талла кивнула: ясно, мол.

— Пошли, что ли? — нетерпеливо обернулась она к наёмнику.

Верд в последний раз провёл тряпицей вдоль лезвия.

— Далеко ли?

— А куда ты меня зазывал? За лучшей жизнью?

Охотник позволил мечу скользнуть в ножны и довольно хмыкнул:

— Не боишься?

Колдунья только руками развела:

— Ну не зря же меня дурной кличут...

Глава 2

НА БОГОВ НЕ НАДЕЙСЯ

Уж чего колдунья точно не ожидала, так это того, что не одумается к утру. Она ворочалась на печи, слушая такое мерное дыхание Верда на лавке, словно он и вовсе не засыпал. Крутилась волчком, передумывала, передумывала снова и ещё раз... И всякожды решение казалось правильным, разумным, взрослым. Каждое из них: остаться или согласиться и ступить за порог с хмурым незнакомым мужиком, разукрашенным шрамами.

Ясно, что староста её не зарубит. Чать, не впервой бушующий. Да и не убивец он. Но вот останется Талла в деревне. Станет дальше лечить коров, роды принимать... Не как вчера, нет. Она обучится у повитухи, освоит мастерство. И, как знать, может, когда-то сумеет себя пересилить и возьмёт за колдовство денег, а не муки али молока.

А потом состарится да помрёт. Одна. Потому как кто же возьмёт в жёны дурную? Каждому известно: с такими, как она, семьи не выйдет. Разве ходить в гости могут. Как сын кузнеца по прошлой весне. Да от каждого ли кадушкой с мёдом отобьёшься?

Талла свесилась с печки, пытаясь в неверном зимнем свете рассмотреть мужчину.

Страшный! Вот что днём, что во сне — страшный. Смуглый, как нечисть какая, седой, точно старик. И шрамы... Самый уродливый рубец брал начало под левым глазом, змеёй сползал по щеке и делил надвое узкие, точно надломанные, губы. Такой не получают на охоте или по глупой случайности, только в бою.

— Хорош? — ухмыльнулся мужчина, не открывая глаз.

— Страшный! — озвучила Талла сокровенное, не успев понять, где явь, а где неслышные мысли.

— Какой есть. — Верд повернулся на бок, хоть до этого всю ночь мертвецом пролежал на спине и не шелохнулся. Пробурчал: — Страшный — подхватывай юбки и беги жалуйся старосте. Авось пригреет.

Девушка фыркнула и, ощупывая дорогу ногой в дражном вязаном чулке, принялась спускаться. Вместо края скамьи неловко ступила мужчине на бедро. Тот только недовольно выдохнул и натянул одеяло до ушей: рано ещё вставать, вторые петухи небось не успели пропеть, хотя отсюда всё одно не слышать.

Колдунье же не спалось. Она тихонько, на цыпочках, ходила по избе, собирая пожитки. Нашлось до обидного мало: единственное вышитое нарядное платье, тёплые штаны, которые девушка, озираясь, чтоб Верд не подглядел, поспешила натянуть, рубахи да всякая женская утварь. Маленькая сума, до смешного маленькая. Неужто вся её жизнь сюда уместилась? И что же, усидит Талла в деревне, дотянет до старости, уйдёт, когда настанет время, к богам, а от неё только такая сума и останется? Ни сказок никто не скажет, ни добрым словом не помянет? Потому что кто ж упомянет простую деревенскую колдунью, которая только и делает, что за скотом смотрит да раз в месяц женщинам боль облегчает, прикладывая руки к чреву.

Она ответила наёмнику, что жила здесь, сколько себя помнила. Но малость утаила: помнила ведь и ещё кое-что. К примеру, сказки. Сказки рассказывала женщина с узкими, не чета трудолюбивым сельским бабам, ладонями. Эти ладони перебирали пока ещё недлинные волосы, сплетали их в косы... А в сказках колдуньи были совсем другими. Сильными, смелыми. Они бы не чурались за-

кинуть на плечо узелок, вскочить в седло да отправиться куда глаза глядят. А куда они глядят, те глаза? Этого Талла пока не ведала. Но твёрдо подошла к спящему (или только притворяющемуся?) мужчине и пихнула его в бок:

— Пошли, что ли. Не стану печь топить почём зря. Новому жильцу дрова сгодятся.

Охотник лишь хмыкнул и откинул одеяло. Одетый, обутый и обнимающий меч. Он даже немного обрадовался, что не пришлось гоняться за перепуганной девочкой и тащить её силком.

* * *

Конюшня в деревеньке была общая, как и большинство лошадей. Вердова Каурка наелась, напилась и отдохнула. Пожалуй, слегка застоялась, но кто ж станет выводить скакунов в метель навроде вчерашней? Однако при виде хозяина и опостылевшей сбруи Каурка восторга на морде не изобразила. Обнюхала охотника, ткнулась носом в щёку, а после и в карман, куда хозяин загодя положил остатки хлеба от их с Таллой завтрака. Угощение заставило лошадь смилостивиться: седлай, что уж. Всё одно делать скаковой красавице с этими клячами нечего.

— Лошадка! — Пока охотник расплачивался за стой, девушка кинулась на шею удивлённому животному, принялась гладить, перебирать гриву, обнимать.

— Укусит, — предупредил Верд, пристраивая у седла небольшие сумки и перестёгивая меч.

Каурка, вспомнив, что, вообще-то, и правда может, цапнула зубами воздух вблизи тонких пальцев колдуньи.

— Она ещё и с норовом! — в восторге завизжала девушка, нетерпеливо прыгая на месте. — Можно я поеду? Можно? Ну можно?

— Дурная, — процедил Верд, подсаживая девчонку и устраиваясь позади неё.

— Это что?

— Не ёрзай.

— Как это мы так?

— Не ёрзай, сказал.

Но Талла не успокаивалась, с непривычки не умея примоститься удобно:

— Она что же, нас обоих повезёт?

— Нет, — окрысился Верд. — Я рядом побегу, за стремя только ухвачусь!

— Тяжело же...

Мужчина хмыкнул: тоненькая колдунья весила как иной ребёнок. Каурка, привычная к долгим переходам и тяжёлому доспеху, её и вовсе не заметит. Если, конечно, девчонка перестанет тянуться к беспокойно шевелящимся ушам.

— Уй! Укусила! — восторженно завизжала Талла, показывая едва задетый губами палец. — Как есть укусила! Как я тебя вчера!

Верд всё-таки пожалел, что не огрел колдунью и не повёз, завернув в мешок и перекинув через седло покорным и, главное, молчаливым кульком.

Тем более что дорога не задалась. Сказать по правде, лошадь не слишком-то и скользила, но копыта по запылённой давешним снегопадом тропе передвигала без охоты.

Верд, ясно, злился. Не на такой путь он рассчитывал. По утоптанному широкому тракту Каурка домчала бы их вмиг, а сколько придётся петлять по сугробам, выбираясь из глуши, — только Троице Богов и известно. Лошадь всхрапнула и вильнула в сторону, провалилась задней левой ногой едва не до самого

крупа и взбила целую тучу снежной пыли, пока выбиралась.

Сплюнув мгновенно растаявший от тепла тела снег, Верд замахнулся огреть нерадивую клячу...

— Ты чего? Не трогай лошадку! — Талла вцепилась в рукав, едва не свалившись под копыта и тем самым не понизив свою стоимость вдвое.

— Дура! — зло выругался охотник, за шкирку втягивая девчонку обратно в седло.

— Сам дурак! — огрызнулась дурная, обнимая скакунью. — Небось, если бы ты нас с Кауркой на спине вёз, тоже не сильно радовался!

— Хочешь пойти пешком и облегчить её ношу? — ухмыльнулся мужчина, отставляя руку: дескать, соскакивай, не держу.

— Ну и пойду!

Забыв хоть чуть поработать головой, она скакнула вниз и тут же, промахнувшись мимо тропки, увязла в сугробе по пояс.

— И вот по этой дороге прямо, — подсказал охотник, отвязывая и бросая вниз узелок девчонки.

Выждал немного, пока охолонёт, извинится и попросится обратно. Но Талла непреклонно сложила руки на груди и только сверкала глазищами, точно двумя обледеневшими озёрами посреди снежной пустоши. Верд даже проехал вперёд пару сажений, ожидая, что дурёха образумится, завизжит и замолит о помощи. Не осаживая лошадь, глянул под локтем: пыхтит ли, пытается ли выползти на ровное. Колдунья, не шелохнувшись, выжидательно смотрела в спину охотнику, точно не в сугробе сидела, а на мягкой перине нежилась.

— Вёрст эдак тридцать до ближайшего селения, — едко добавил Верд, остановившись якобы для того, что-

бы поплотнее натянуть рукавицы: метель успокоилась, но на смену ей пришли безоблачное небо и такой морозец, который в силах прилепить веки к глазам. А дурная упрямится, ждёт, чтобы застудиться и ещё больше усложнить путешествие!

Талла горестно шмыгнула и вытерла нос задубевшим рукавом. Помрёт, как пить дать помрёт, и останется это на совести жестокого, бессердечного наёмника, выманившего наивную пигалицу из родного дома...

К тому ж мёртвые колдуньи на рынке не в цене, а отморозившие ноги всяко стоят меньше цельных.

Мужчина осторожно, чтоб тоже не увязнуть вместе с Кауркой, развернулся. А Талла, хитро сверкая глазищами, вытянула руки, позволяя себя спасти. Верд вздёрнул её за ворот душегреи, пуговицы пугающе затрещали, но выдержали.

— Не бей больше лошадку, — велела колдунья, старательно копируя интонации хмурого спутника. Слово переспорила, убедила чурбана в своей правоте. Верд приподнял брови и помог нахалке, перекувырнувшись в воздухе, снова нырнуть в сугроб. На этот раз наверху остались тонкие ножки и валенки, доверху набитые снегом.

Вдругорядь уместившись на лошадиной спине, Талла отчётливо простучала зубами:

— Ладно, поняла. Ты главный. Но Каурку всё равно не обижай.

Охотник с трудом пересилил себя и не отправил колдунью доучивать урок. Впрочем, колотить кобылу он всё равно не собирался: чать, не один день ей ещё везти поклажу.

Что девчонку нужно хорошенько приодеть в дорогу, Верд понимал, ещё только выезжая с ней из деревни.

Но искать подходящие для верхового сапоги и плащ, защищающий от непогоды почище медвежьей шкуры, — дело долгое и хлопотное. Колдунья могла решить, что рискованное путешествие такой мороки не стоит, переждать. Теперь ей деваться некуда. Стало быть, можно отовариться в селении, примеченном загодя. Местечко немалое, жители ажно собственный храм заложили. Найдётся и торговец, и работа, чтобы товар оплатить. Да и ночевать в лесу в такую стужу, какую обещало чистое, искрящееся небо, удовольствие сомнительное. Поэтому охотник, не задумываясь, свернул туда, откуда паутинами тянулся дым из труб.

Вовремя, надо признать. Колдунья ёжилась, неосознанно плотнее прижималась к спутнику, дышала на озябшие пальцы.

— Не сдохни мне тут, — предупредил охотник, насильно надевая на её тонкие рукавички свои: тяжёлые, огромные, хоть сразу две кисти засунь!

— Мне не холодно! — попыталась возразить Талла, но тут же получила болезненный щелчок по пунцовому кончику носа.

— Поговори ещё — мигом в сугроб полетишь!

Каурка, больше всех утомившаяся за день, скептически покосилась на наездника. Копытная взяточница с ходу сообразила, что девчонка не скупится ни на ласку, ни на угощение, может втихаря сунуть сухарик под нос или вкусно поскрести у челюсти. А потому между суровым мужиком и ласковой девчужкой не выбирала. Якобы случайно она припала на задние ноги аккурат в тот момент, когда Верд отпустил поводья. Талла ухватилась за шею и удержалась. Охотник кубарем свалился на землю под ехидное ржание, мгновенно сменившееся выражением преданности на морде.

Задумчиво почесав отбитый зад, Верд изрёк:

— Не бить лошадку, говоришь? Я не буду её бить. Я её мяснику продам.

— Она просто устала!

Каурка непонимающе и подчёркнуто искренне взмахнула ресницами. Переступила на месте и повернулась к отряхивающемуся хозяину, чтоб тому удобнее было забираться обратно.

— Нет, спасибо. Дальше я пешком. — Мужчина легонько шлёпнул мерзавку по морде и оставшуюся версту шагал сам, втайне с огромным наслаждением разминая затёкшие ноги и место их соединения.

Без Верда Талла постоянно съезжала то на одну, то на другую сторону седла, не дотягивалась до стремян и так страдальчески кривилась, что и Каурка могла обзавидоваться. Последняя то и дело виновато тыкалась носом в плечо хозяину, но тот не оборачивался.

— Ну Ве-е-е-ерд! Ну я же соскальзываю! Ну мне холодно одной! — Девчонка болтала ногами, отчего держалась на лошади ещё менее крепко.

— А ты пробегись — мигом согреешься.

Шутки шутками, но Верд не просто так усадил колдунью всем на обозрение. Не шибко хорошо лишний раз привлекать внимание, того и гляди королевские прихлебатели явятся. Ну да от Больших Храмовников до короля ещё попробуй доберись. Пока весточка дойдёт, их с Таллой уже и след простынет. Ну и, сказать по правде, в сёлах никто особо королю не докладывает. Всякая магическая помощь здесь и сейчас ценнее, чем благодарность от правителя когда-нибудь потом. А то ещё и по шее схлопотать можно за недостаточную расторопность: как так, дурная в селение заглянула, а вы её не задержали, в погребу не заперли? Не дело! Потому

охотник не волновался, а, напротив, демонстрировал добычу всем и вся, придерживая Каурку за повод и неспешно пересекая деревню. Пока прошли от тяжёлых, но настезь распахнутых ворот до храма, блестящего от облепившего камни инея, Верд уже заметил трёх или четырёх особо заинтересовавшихся товаром людей. Глядишь, не только на тёплую одежду заработать удастся, но и про запас чего оставить.

— Как посмело ты, наглое, неугодное богам отродье, войти в ворота славного селения?!

Из храма, смешно шаркая пушистыми тапочками, прикрыть которые у рясы не доставало длины, выскочил сначала живот, а потом и сам служитель. Не решившись сосупить с порожка на неубранный покамест снег, он одёрнул передний край одеяния, дабы спрятать непопребство, но ткань сразу же снова собралась складками у брюха и обнажила обувку. Служитель принял позу оскорблённой невинности, заломив руки и отставив носок одной ноги, и обратился к небу:

— Бог с Ножом, оградитель и защитник, как ты допустил подобное святотатство? Колдунья, противная тебе, вошла в наш благословенный дом...

— Так у вас же ворота не заперты, — обезоруживающе улыбнулась Талла.

Толстячок недовольно зыркнул в сторону хамки, посмеявшейся нарушить его аудиенцию с богами, и продолжил играть на публику, коей собралось уже немало:

— Бог с Ключом, покровитель и кормилец, неужто жертв и молитв оказалось недостаточно? Ты решил испытать нашу веру, приведя в святую обитель эту противную тебе тварь?

— Но-но, — негромко, но веско вставил Верд.

— Эту дурную кровь, — поправился служитель.

Толпа, с большим интересом наблюдавшая за началом представления, сообразила, что ничего нового не услышит, и начала многозначительно безмолвствовать, зябко переминаясь на месте.

— Господин Санторий, — робко донеслось из задних рядов, — а мы сегодня линчевать дурную девку будем?

Патетично возведённый к небу взгляд оратора метнулся к Верду. Охотник ослабил и сложил руки на груди: линчевать, говорите? Ну-ну, попробуйте. Служитель равнодушно передёрнул пухлыми плечами и вернул взгляду праведную затуманенность:

— Разве имеем мы право судить тех, кого боги покамест не успели покарать? Разве Богиня с Котлом не заведовала всем и каждому...

— Тогда мы пойдём, пожалуй, — заключила толпа. — Холодно. Да и вечерять пора. Помнится, господин Плессий нас по морозу не созывал...

— Грешники! — Короткий палец ткнул в самую гущу скопища. — Господин Плессий был слаб духом! И ваши слабости поощрял! Проповедь очищает, готовит ко встрече с богами, а вы предпочитаете пище ума животную трапезу?!

— Отчего ж токмо животную? — резонно возразил народ. — Мы и растительную того... В общем, пойдём мы, господин Санторий. Не обессудьте. Завтра с самого утра ваша проповедь и послушаем. Небось не устареет.

Ещё с минуту служитель пучил глаза и возмущённо тыкал перстом в безоблачное небо, откуда почему-то не спешили спускаться и карать неразумную паству (а заодно вознаграждать верного слугу) терпеливые боги. Поэтому перст переместился чуть правее, чтобы указать на грудь хмурого мужика со шрамом, перечёркивающим добрую половину лица.

— А вы, проклятые Тремя глупцы... — начал служитель столь же вдохновенно, но мотнул головой, перебираясь, и закончил буднично и вполне доброжелательно: — Зашли бы внутрь, а то я уже пяток не чувствую.

Верд не заставил просить себя дважды. Только спихнул с седла колдунью и вручил вертящемуся рядом мальчишке-конюху повод Каурки. Пацан протянул обветренную ладонь, и охотник с готовностью пожал её. Мальчишка растерянно уставился на руку, в которой, как ни крути, не появилось ни монетки.

— Сделаешь всё как надо, получишь вдвое больше обычного, — предупредил охотник. — А увижу, что схалтурил... — Верд криво улыбнулся, чем сразу же добавил халтурщику трудового энтузиазма.

Забрав поклажу, охотник наконец позволил себе, а заодно окоченевшим Талле и Санторию спрятаться от холода в храме.

— Проклятый Тремя глупец ещё не решил начать праведную жизнь и посвятить себя служению высшим силам? — торопливо, приплясывая от холода, уточнил толстячок.

— Может, как-нибудь потом, Санни.

Верд бросил на пол сумки и с готовностью раскрыл объятия.

— Вот и чудненько, а то я поставил греться вино, как только увидел тебя из окна.

Благочестивый служитель храма по-дружески облапил гостя и не иначе как при помощи колдунства достал из рукава аккуратненькую, но вместительную фляжку. Приложился, сыто крякнул и пустил по кругу.

— Тоже мне, слуга богов, — усмехнулся Верд, внося посильную лепту в уничтожение греховной жидкости.